

Сара Зельцер

Не нужно музыки

СТИХОТВОРЕНИЯ

XXI
ПОЭЗИЯ ВЕКА

Евара Зельцер

*Не нужно
музыки*

СТИХИ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
образ

2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
З 50

Сопровождение и финансирование проекта —
Владимир Митин

Художник **Андрей Карапетян**

З 50 Сара Зельцер

Не нужно музыки / Стихи. — М.: Издательство «ОБРАЗ»,
2014. — 76 с. (Серия «Поэзия XXI века»).

ISBN 978-5-906009-48-7

Имя Сары Зельцер хорошо известно любителям современной поэзии: интернет-поисковики выдают сотни ссылок на публикации её стихотворений в различных сетевых изданиях, включая авторитетные литературные ресурсы. Но только сейчас, собранные под одной обложкой и изданные «традиционным» образом, эти произведения позволяют оценить истинный масштаб дарования молодой поэтессы. Книга «Не нужно музыки» — настоящий подарок всем поклонникам творчества Сары Зельцер.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Книга печатается с сохранением авторской пунктуации.
Возрастные ограничения: 16+.

ISBN 978-5-906009-48-7

© **Сара Зельцер**: стихи, 2014
© **Андрей Карапетян**: иллюстрации, 2014
© **Сергей Арутюнов**: предисловие, 2014
© **ОБРАЗ**: оформление, 2014

О некоторых поэтах — их немного — можно сказать с самой возможной определённой: они пришли в поэзию, в отличие от многих, топчущихся в ней годами. Такова Сара Зельцер, замеченная в эти годы не мной, но слишком многими, чтобы я мог считать её своим единоличным предпочтением. Сара пришла в русскую поэзию именно потому, что каждое сказанное ей слово есть — правда. Одиночество в наших городах, выглядящими заброшенными даже при густой перенаселённости, описывалось стихами множество раз, но голос, звучащий подлинно, в них — такая же редкость, как воробей из чистого золота или хрустальный пивной ларёк. Гармония даётся поэту всей жизнью, превращающейся в особый лад его личного языка. Саре Зельцер удалось претворить свою личную языковую интонацию в такое гармоническое единство, за которым уже не видится ни лукавства, ни умолчания. Каждым стихотворением этот поэт говорит о природе нашей жизни так, как о ней следует говорить: плавно, трагически, наполненно до краёв. В этих стихах завораживает нетребовательная нежность, за которой проступает натура высоко и непреклонно воспитанных чувств.

Даже в мимолётном недовольстве (можно ли поэту быть довольным?) слышится голос чести, мольбы и любви. Стихам и не требуется большего. Они — заметки заживо затворённой в пустой, затаённо-тихой квартире, будто терпящей пока свою

жертву, а не выбрасывающей её на улицу метаться и горевать. Они — неприятзательные виды из окна, навеки запотевшего от мировых холодов. Они — песни краткие, точные, как резьба по камню или промышленному бетону, бедное граффити свихнувшихся времён, когда и женская, и мужская судьба едины в сиротстве, общей национальной беде без имени и названия. Мы в беде. Ещё не время объединять нас и куда-то вести. Мы ещё ничего не соображаем. Те же, кто уверяют, что всё поняли, либо обманщики, либо придурки. Но в общем для всех панельном аду, при критической нехватке чистого воздуха, с воображаемым билетом на очередные райские острова, мы поняли главное — бессмысленно идти и бежать туда, где после долгой цепочки следов предстаёт взгляду то же самое, проклятое, вечное: серая оттепель, обочина трассы с проржавевшими овощными фурами, вышки ЛЭП с провисшими проводами и вороны. Безбрежна русская непогода! Но жить в ней приходится год за годом, с каждым наросшим на сердце кольцом укореняясь в отчаянии всей человеческой жизни разом. Но причаститься хотя бы раз этому всепоглощающему, вселенскому чувству — блаженно...

***Сергей Арутюнов, доцент Литературного
института им. А. М. Горького (г. Москва)***

Сара Зельцер

Не нужно музыки

Не нужно музыки

*Не нужно музыки. Когда уйдут слова
И улетят задумчивые совы
Искать ночлег, я, кажется, сама
Не захочу потерянное слово
Искать среди обломков января,
Когда зима ложится на лопатки.
У тишины — повадки дикаря,
Она опять навязывает прятки.
И я — молчу, играю в поддавки.
Но где-то там, за кромкой невесомой,
На берегу невидимой реки
Родится звук и музыки, и слова.
В хрущёвке тесной, воздухе густом,
Среди ковров и кухонной разрухи,
То, что назавтра сбудется стихом,
Коснётся языка. Но прежде — слуха.*

Не нужно музыки

Сладкий смер

Зима пришла

Любезный друг! Зима пришла и к вам:
Побиты льдом все маковки у башен,
Вздыхает пробками тяжёлый автобан,
И, говорят, что вы венчались с Машей
В английской церкви пятого числа.
И Машенька теперь поёт с акцентом:
«Май диа, диа хасбенд, все дела...»
И тает рафинад. А помнишь, летом
Две ласточки плацкартных, мы с тобой,
Стремилась к югу. Пыльные вагоны
Тянулись бесконечной чередой.
Соседи пахли пивом и беконом.
Смотрело солнце в тряпочный порез.
И мы в тот день (хоть это и не ново)
Спасались от жары росой поэт
То Рыжего, то Вани Зеленцова.
Ну, что ещё... Как Маша? Хороша?
Глинтвайн ли сладок? Горяча ли пицца?
Я тоже — гуд. И, память потроша,
Совсем не тороплюсь тебе присниться.
Зима кругом. Сугробы на спине
Пустых аллей. И с будущим не споря,
В закрытой комнате, на самой глубине,
Я больше не прислушиваюсь к морю.

Это просто зима

Это просто зима. Вот такой белоглазый минор.
Антикварный корабль,
 не нашедший заветного порта.
Я опять от неё убегу — не Горалик Линор,
Записной графоман из числа победителей шорта.
Не жалейте меня, вы и так беспримерно добры.
Ваш уютный мирок
 мне напомнил конструкторы Lego.
Я почти ухожу. Не закапать бы кровью ковры.
Не спугнуть бы детей,
 у подъезда играющих снегом.

В темноте зимний дождь...

В темноте зимний дождь по-осеннему капал,
Растекаясь на льду.
Это — всё. А любил ли ты Бродского, папа?
Закурю и пойду

Вдоль ларьков и шпаны, жёлтоглазой рекламы
В стиле жёсткого ню.
Я давно не ищу по ночам ни знакомых, ни мамы.
Никому не звоню.

И по-прежнему редко мне что-нибудь снится:
Ни цветов, ни ребят.
Но бывает: нет-нет да споткнусь о больницу,
Где забыли тебя.

Там всё просто: кирпич непонятного тона,
Плазма. Тапочки. Жгут.
И захочется выбежать вон из холёного дома
И лежать на снегу.

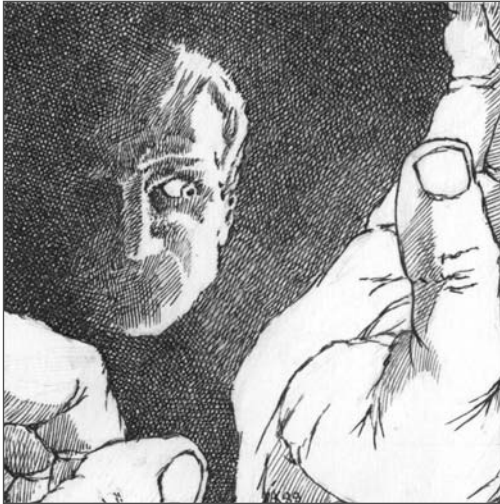
И смотреть в небеса, где твой стол и качается лампа.
Где скелет словаря.
Это — всё. А любил ли ты Бродского, папа?
Как люблю его я.

как пьяный человек

как пьяный человек,
на высохшую грязь
шагая, падал снег
нисколько не боясь
прокуренных бродяг,
ворон с набитым ртом,
сторожевых собак
и мартовских котов.
он думал: «повезло!»
не зная наперёд,
что будет бит весной,
а не наоборот...
и ты, любовь, навек
прощаясь — как в кино —
смотри на этот снег.
не бойся никого.

Когда надежда выскользнет лещом

Когда надежда выскользнет лещом,
И будет стих колючим, словно холод,
Оставьте свет и музыку.
Ещё
Оставьте город.
Оставьте парк.
Желтеющий магнит
Его ветвей притягивает тени.
И Бога в нём, который говорит
На языке растерянных растений.
Оставьте ночи тоненький рубин
И тёплый дом с орнаментом прихожей.
И тех людей, которых разлюбил,
Оставьте тоже.

Стою, окно завесив, имярек

Стою, окно завесив, имярек.
Пока зима печатает курсивом,
Закройте музыку и выключите снег —
Мне эта красота невыносима.

Уж лучше в грязь лицом и до утра
Подсматривать, как безымянный город
Машины вынимает из нутра
И звёздами выкладывает ворот.

Но даже здесь захочется реветь
От синевы — густой и нелюдимой...
Лети, мой свет, лети на красный свет —
Его пути давно исповедимы.

В переулках зима...

В переулках зима
на большую ночную рубаху
Сыплет мелкую дрожь
через неба бескровный порез.
Это вовсе не снег, это новая музыка Баха.
Это Моцарт в миноре опять заиграл до-диез.

И не слышно уже,
как выходит сосед из запоя,
Как машины гудят
и мальвины сбивают гранит.
Ни волхвов, ни ментов.
Только тьма на дощатом заборе.
Геометрия комнат. Вселенная.
Острый бронхит.

Побудь со мной...

Побудь со мной, пока не тает снег
И во дворах вода покрылась коркой.
Как хорошо, что всё-таки так горько.
Опять зима уравнивает всех.
Побудь со мной, пока ещё уют
Летит из окон выбившейся чайкой.
Там люди говорят и ставят чайник,
И головы повинные кладут.
Побудь со мной, пока ещё заря
Раскрашивает город мой облезлый.
Я знаю, есть лекарство от болезней —
Несовпадений, проще говоря.

Я не знаю...

Я не знаю, сказать тебе что ещё.
В богадельне машин и витрин
Мы с тобой два промозглых чудовища
С человеческим сердцем. Внутри
Только дом. Только дым? Только тающий
Островок обезглавленных льдин.
На огромном дрейфующем пастбище
Человек остаётся один.
Что ни тронь — непременно сломается.
Жизнь гремит то мечом, то ключом.
Ничего, ничего не меняется...
И как будто бы мы ни при чём.

поезда набирают скорость

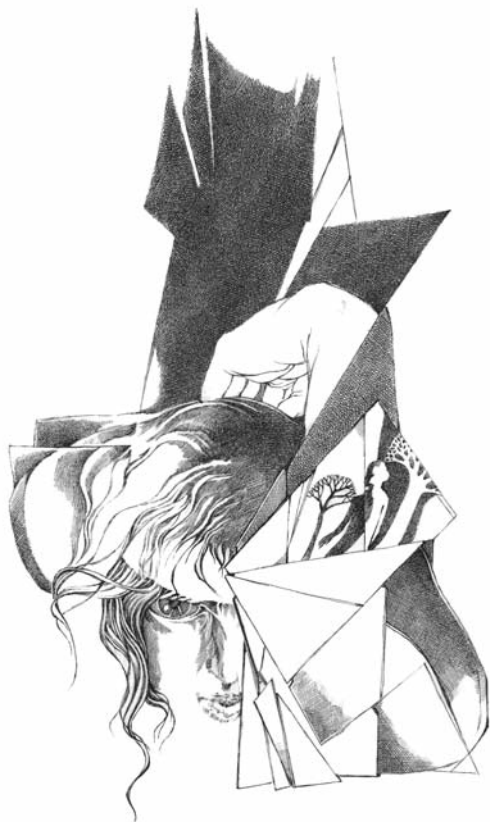
поезда набирают скорость
самолёты бомбят луну
я наверное тоже скроюсь
к оголтелым снегам прильну
чтобы зябко и чтобы зыбко
всё спокойно без перемен
не реви золотая рыбка
он любил тебя мэри энн
на оранжевой длинной ветке
не понятно ещё кому
повезло повезло вам детка
пароходик идёт ко дну

Почему в тёплом доме...

Почему в тёплом доме,
 где множество вымытых окон
И в раздутом гроссбухе
 таятся портреты друзей,
Я которую ночь вижу сон,
 и я так одинока
В этом сне, как подвальная дверь,
 и никтоже за ней?

И я падаю в следующий сон,
 чтобы спрашивать ближних:
Как такое могло приключиться
 в надёжном порту, —
Мы, привыкшие к оспам войны
 и падению биржи,
До сих пор просыпаемся ночью
 в холодном поту?

Вот и я, второпях отворю непослушные веки,
Посмотреть, как пришельцы из снов
 бороздят темноту.
И затёкшей рукой попытаюсь
 найти человека,
Чтоб скорее закрыть им
 пробоину в левом борту.

Нехорошо у Родины просить

Нехорошо у Родины просить
Добавить свет и снежность пригасить,
Но серо в ней, как в платице из Stockmann...
Сто дней — зима. Больной ещё скрипит.
Ещё ночами лампочка горит
И мокрый снег заваливает окна.

В мире тёплых вещей ни к чему

В мире тёплых вещей ни к чему
воробьиная смелость.
Чем серее зима, тем
воздушной и радужней сны.
Здесь, в провинции, небо нежней,
но высокая смертность,
Если верить в газетные очерки
Местного СМИ.

Мутный глаз фонаря то и дело
мигает знакомым.
На неровных дорогах — ловушки
для быстрых машин.
Если верить звезде, еженощно
висящей над домом,
Ты когда-нибудь выйдешь на снег
Совершенно большим.

А пока — засыпай, никаких,
понимаешь, вопросов.
Твой корабль, твой маяк, твой
причал заждались темноты.
И приснится тебе Старый Крым,
и в садах — абрикосов
Бело-розовых... розовых? белых?
живые цветы.

Один мой дед был прокурор

Один мой дед был прокурор.
Другой — начальник КРУ.
На опохмелке тихий двор
Встречал их поутру.
Отец мой, в прошлом офицер,
Смолил от всех тайком.
Он брал китайцев на прицел,
Но летом был таков.
Один мой дед погиб весной.
Другой — весной погиб.
И вот мне кажется порой,
Что это перегиб:
Который год одной месить
Густой солёный снег.
И даже некого спросить:
Ну как ты, человек?

Видишь, здания набекрень

Видишь, здания набекрень.
Видишь, улицы бьёт простуда
В этом городе, где мигрень
Заливала мои сосуды.
Опрокинутые на дно,
Мы рыбёшки в кирпичном блюде.
Этот город твердил одно —
Что другого у нас не будет.
Слышишь, пьяные в кабаке?
В парках парочки жмутся глубже.
Я не знаю, в какой руке
Тот билетик, который нужен.
То ли снег залепил глаза.
То ли в компасе сбился полюс.
На какой мне идти вокзал,
И успеть — на который поезд?

гуляет в городе сутулом

гуляет в городе сутулом
зима с улыбкой брадобрея.
как мало, блин, литературы
в протекшей за ночь батарее.
и мы напрасно полагали,
что снег пейзаж обеззаразит —
как много грязи под ногами.
как много... грязи.

Сопит за стенкой человек

Сопит за стенкой человек,
Зимой расколот.
А я могла бы лечь на снег,
Когда б не холод.
Когда б не зрители вокруг —
Легла бы точно
Смотреть, как тянутся на юг
Цветные точки.
Они несут людей иных
В железном теле.
Но разве дело мне до них,
На самом деле?
До тех, кто едет в полусне
На Пикчу-Мачу?
И я кусаю сладкий снег
И — нет, не плачу.

Пролистнёшь человека

Пролистнёшь человека
И пойдёшь, невредим.
Ничего, что от века
Ты плетёшься один.
Это много полезней,
Чем давиться тоской.
Всё пройдёт, всё исчезнет,
Как снежок над Москвой.
А за окнами — прелесть,
Городской балаган.
Отрешённая челюсть
Занимает стакан.
И вздыхает бабуля,
Как напуганный ёж.
Здесь со скоростью пули
Ты меня пролистнёшь.

Течёт февраль...

Течёт февраль, в лодыжку раненый,
Журчит остатком синевы.
И на неделю умирание
Приходит ранее, увы.
Блестят проталины, как лысины.
По ним шагает человек.
А мне опять приснится иссиня —
(На чёрных камнях) белый снег.

Ломает музыку февраль

Ломает музыку февраль.
Усатый дядя курит приму.
И облака, каких не жаль,
Сырой толпой проходят мимо

Немытых улиц, зданий, чей
Казённый профиль смотрит строго.
И ты сейчас не больше, чем
Ещё один автограф Бога.

Забанен город-нелюдим.
Его наполнят не для смеха
Бензин и кровь. Добавьте к ним
Немного
снега.

Не нужно музыки

*Глотая
тишину*

О соли мио! Жить тебе без боли

О соли мио! Жить тебе без боли.
Течёт вода и солнце на носу.
Я для тебя, отстреливая троллей,
В ладошке валидола принесу.
Все ждут весны, а верные — тем паче.
Но, милый друг, мне кажется порой:
Под снегом зелень будущее прячет.
А угол прячет дяденьку с пилой.

Я видела вчера, что корабли

Я видела вчера, что корабли,
Закрыв глаза, стремительно старели.
И ветер, отрываясь от земли,
Раскачивал уснувшие качели.

Мы жили врозь без боли и брони,
Но время с монотонностью равнина
Отсчитывало будущего дни
Бессовестно и так непоправимо.

Весна дрожала сотнями циклид
И бабочкой спускалась на дорогу,
Откуда двое прыгнули в аид,
Чтоб с прошлым расставаться понемногу.

Ещё одна шальная пятница

Ещё одна шальная пятница
Скользнёт иглой по винилу.
Земля не вертится, а пятится,
И ничего не изменилось:
Всё те же солнечные зайчики,
И тех же облаков обрезки...
И только там, где сбили мальчика,
Теперь лежащий полицейский.

Оставляя тёплый панельный ад

Оставляя тёплый панельный ад,
Где томится клерк и вздыхает клирик,
Совершая длительный променад
Мимо баров, шопов и поликлиник,

Наполняя джином себя на треть,
Волоча за хвост золотую рыбку,
Я приду, любовь моя, посмотреть
На твою вину и свою улыбку.

И не важно, коротким ли будет век,
Остаюсь ли я без тебя, с тобой ли.
Человеку видится человек
Как собранье веры, надежд и боли.

Это всё, что нам разрешат посметь,
Что оставит в плюсе весёлый город.
Но в твоём саду отступает смерть.
Ей уже не снится полярный холод.

И когда качнётся земная твердь,
Расплескав моря и взьерошив скрипки,
Я приду, любовь моя, посмотреть
На мою вину и твои улыбки.

В нежном городе роз...

В нежном городе роз,

где втроём просто нечем дышать,

Под дощатым забором, упав головой в лопухи,

Утомлённая долгой весной умирала душа,

В лихорадке читая чуть слышно чужие стихи.

Неотложка приедет, но это случится потом.

Много раньше небесный трубач наиграет мотив.

Ты поднимешься к Богу в футболке и джинсах Motivi

И, пройдя за ворота, негромко расскажешь о том,

Как жилось, как любилось,

и с кем горевать довелось, —

Ты прочтёшь свою жизнь по годам,

по часам и минутам.

Лишь о том промолчишь, как ломалась отчаянно ось,

И как стрелочник — пьяный апрель —

направления путал.

А когда оправдаться попросят, чтоб там, впереди,

Ожидалось тебе золотой утешительной доли,

Ты себя распахнёшь, и два сердца из левой груди

Осторожно достанешь и в Боговы вложишь ладони.

Ты забудешь, скажи

Ты забудешь, скажи,
Разговор на одной батарееке,
Незабудки во ржи
И бомжей на разбитой скамейке?
Самый первый затяг,
Едкий дым, и в ведро — сигарета.
Всё случилось не так,
Как с другими случается это.
Не сиди у окна,
Не растягивай розовый свитер.
Терапия верна —
Взять вина. И — Гандлевский, простите —
Пусть летят облака,
В ржавых яблоках прячется лето
Посреди бардака
Нарисованной наспех планеты.

Запомни двор...

Запомни двор, где мы сидим вдвоём.
Ты пьёшь «Мерло», я в свитере твоём
Прожгла дыру. Смеюсь. Издалека
Заходит вечер. Рвутся облака
На тысячи корабликов пустых,
Табачный ветер трогает кусты.
Бродяга-кот зовёт свою братву,
И молча звёзды падают в траву.
И кажется обугленной трава.
И ты полощешь нужные слова
На языке, и хочется сказать
Их за тебя. Но влажные глаза
У фонарей. И кажется, пора
Ловить такси и ехать со двора —
Скорей, навстречу всякой ерунде,
Где ждут вокзал, и поезд, и т. д.

Всё пройдёт, завянут туберозы

Всё пройдёт, завянут туберозы
В Пастернака маленьком саду.
Как больной, очнувшись от наркоза,
Видит мир в рассеянном бреду,
Так и я то слепну, то немею.
И о чём тут можно говорить?
Ничего я больше не умею,
Как ещё кого-нибудь любить.

Любимые остались, но ушли

Любимые остались, но ушли.
Так в парке после ливня ни души.
Так звук не будоражит перепонки
Оглушённого от взрыва на войне,
Кессонник забывает о волне,
И бабочек сажают на иголки.

Тебя здесь нет

Тебя здесь нет. По улицам пустым
Автобусы развозят пассажиров.
Провинциальный ад. Из темноты
Глядит луна, подёрнутая жиром.
Затягивает вечер тонкий жгут.
Машины во дворах печально мокнут...
И кажется, что я сейчас могу
Бежать/лететь, заглядывая в окна
Где нет тебя. В подъездах с бахромой
Кривых ступеней ножиком царапать:
«Тебя. Здесь. Нет», забыться — Боже мой! —
Порезаться и даже не заплакать.
Но разве нужно — это? За стеной
Небрежно откупоривают тару
И жадно пьют. И я иду домой
По лысому кривому тротуару.

А здесь так долго не было тебя

А здесь так долго не было тебя,
Что в середине нынешней недели
Желтухой заболели тополя
И в парке соловьи офонарели.
Автобусы собраться не могли,
И небо, опрокинутое в лужи,
Не улыбалось. Улицы мои
Казались незаметнее и уже.

Но это ложь, и в мире ничего
Не изменилось. Осени покорна,
Тянулась вереница четвергов,
За нею пятницы с ведёрками попкорна
И светлым пивом. Пошлое кино,
Где героиня прыгала с балкона.
И 30 дней таращилось в окно
Всевидящее око телефона.

Глотая тишину...

Глотая тишину, как валидол,
Смотрело небо цвета горькой сливы,
Как ангелы ко мне входили в дом,
Где пахло незабудками и пивом.
Я видела, как яблоневый сад,
Раскачивая кроны еле-еле,
Шумел о том, что не был виноват
Никто из нас двоих на самом деле.
И было равносильно волшебству
Гулять с тобой по гибнущему парку,
Смотреть, как дети падают в листву,
И как собака бежит за палкой.
Ночь коротка, и близится рассвет,
И сны мои ползут по вертикали.
Но ангелов в них не было, и нет.
И яблоки в саду давно собрали.

Я хотела писать о тебе

Я хотела писать о тебе
В надоевшей до колик тетради.
Но рассвет заиграл на трубе,
И опять тополя лихорадит.

До обеда не дышит трава.
Не звенят онемевшие дали.
От похмелья болит голова
И на подвиги тянет едва ли.

А поэзия, как ни плыви,
Одинокая в небе звезда лишь.
И Бориса не снимешь с петли,
И Марине креста не поставишь.

В середине холодной зимы
Не вернёшься пустыми дворами
На московскую кухню, где мы
Пили горькую между мирами.

В комнате

Как же в комнате этой прохладно.
Как на улице, право, свежо.
Я не стала поэтом, и ладно.
Не печалься, мой милый, ужо.
Неудачники... дачники... или
Садоводы словесных камней.
Сколько нами загублено лилий —
Столько Тай не рождает орхидей.
Что же дождь неприкаянно плачет,
Разбиваясь об окна мои?
Поцелуй, пожелай мне удачи.
Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Не позвоню...

Не позвоню и мир твой не разрушу —
В такой мороз всё движется покоем.
Я ихтиандр, брошенный на сушу,
Не знающий, за что ему такое.

Неяркий свет гуляет по салфетке,
И ветер окнам врёт на суахили...
Приснятся мне две вишенки на ветке.
Ах, нет, одна! Другую — надкусили.

Я лежу на полу...

Я лежу на полу, словно рыба на дне
Океана, которого в атласе нет,
Словно кит на песке в беспросветной тоске.
Надо мной потолок, подо мною паркет.
Под паркетом плита и девятый этаж.
И большой тишины перетянутый жгут.
Где-то бродит весна в платье стиля «винтаж»,
А бедняга февраль и раздет, и разут.
И теперь у зимы — ни двора, ни кола.
Всё, чем жил календарь сто заснеженных дней,
Затопило дождём. Но, была не была,
Я её приручу. Я заплачу над ней.
Будем вместе лежать, и смотреть, как в окне
Отражается мартом разбавленный свет.
Впрочем, нам всё равно — мы лишь рыбы на дне
Океана, которого в атласе нет.

Сижу одна. Ещё живая

Сижу одна. Ещё живая.
Музыку голодом моря.
И то ли рана ножевая,
А то ли это жизнь моя.

Лохматый ветер в тёплом поле
Кольшет белые банты.
Почтовый ящик переполнен
Пустыми буквами, а ты

Крутых дорог не выбирая,
И веселея оттого,
Имеешь Аду или Раю...
Какая разница, кого.

Под ноги — бисер, стёкла, просо.
Уходит время, нас дробя.
«И год, и город под вопросом».
А значит, не было тебя.

Не нужно музыки

*Ненужное
отсекая*

Хотелось музыки...

Хотелось музыки — особенной такой.
И стену головой пробить с разбега.
И крепкого напитка под рукой...
Хотелось снега —
Чтоб он лежал синеющей горой,
И на путях забытых Богом станций
К нему припасть обветренной щекой
И больше никогда не подниматься.
И, может быть, хотелось быть с тобой.
Но я не стану говорить об этом.
Ещё хотелось поезда домой
И самой первой в жизни сигареты.

Неместный ветер...

Неместный ветер снимает с деревьев лапшу.
Уездный город суров, что рукав Транссиба.
Найдёшься, скажешь, что я хорошо пишу.
Ну что же, друг! И на этом тебе спасибо.

Спасали звёзды, Гандлевского облака,
Купе до Курска, в окне снеговые дали.
А нынче воздух режет твоё: «Пока!»
И плачут чайки, которых в окоп загнали.

А это значит — найду себе тёплый дом.
Анапест вряд ли укроет меня в метели.
Сосед придёт с котлетками и бухлом.
Ему неведом кризис больших материй.

То же слово на том же заборе

То же слово на том же заборе.
Вечер лыбит щербатую пасть.
Ты же видишь, как тесно мне, Боря, —
Даже некуда рифме упасть.

В чередѣ заколдованных пешек,
Жизнь похожа на общий вагон.
Здѣсь рассыпался Крепкий Орешек
И заплакал Луи Арагон.

Только нам ли печалиться, Боря,
Шелестя золочёной строкой?
Как мне хочется, с миром не споря,
В синеву окунуться башкой,

В дьюти-фри отовариться ромом
И уже не любить никого —
Ни поэта с похмельным синдромом,
Ни поэта. Ещё одного.

Уснёт И. Б., зачитанный до дыр

Уснёт И. Б., зачитанный до дыр,
На кухонном столе, и тихой сапой
Ведёт меня мой рыжий поводырь
По листьям, засыпающим внезапно.

К утру из них всего осталась треть
Солдатиков, стоящих на границе...
Так много слов, что можно умереть
От этих слов и заново родиться.

Зайти к тебе (как будто в первый раз)
На запах одинокого похмелья.
Позвать. Присесть. Открыть. Налить «на глаз».
Услышать оправдание: «Поверь, я...»

Но ничего не нужно. Высоко
Кричит журавль и замирает после.
Есть только день. И в небе молоко.
И эта обезумевшая осень.

Заколоченный сад

Я привыкла любить заколоченный сад,
Где которую ночь фонари не горят,
Где Луна бородавкой висит на носу,
И печаль, как младенца качая, несут.
Я привыкла идти мимо бритых кустов,
Подставных соловьев и расстрелянных сов,
Мимо «скорых», со счёта сбиваясь уже,
Слушать радиоволны и шёпот бомжей.
Шорох ласточек, шелест вечерних звонков,
Половина которых уйдёт в «молоко»,
А другой половины, нежданная тут,
Растекается слова холодная ртуть.

Когда...

Когда ты называешь своё отчество,
Я вижу твоего отца,
 который умер на ступенях подъезда
Пьяным.
Соседи не верили в смерть и перешагивали.

Когда ты говоришь о краткости,
Я вспоминаю человека со сложным именем
И длинными волосами.
Он ушёл за хлебом между 18-ю и 20-ю
И не вернулся.

Когда ты плачешь об упущенном времени,
Я веду тебя в парк,
Где сидит старушка, похожая на улитку.
Она смотрит на чужих детей,
Играющих песком,
И улыбается.

Ветер гонит людей...

Ветер гонит людей и полощет листву.
И опять у меня нет ни звука, ни слова,
Чтоб с тобой говорить. Я запомню Москву
Перепуганной галкой в руках птицелова.

Выпуская из сердца голодных зверей,
Находя им ночлег или миску с обедом,
Я хотела бы сделаться вещью твоей —
Полосатым шарфом или стоптанным кедом.

Или молча смотреть через окон слюду
На твою тишину. Или сделать прививку
От осенней хандры. Но я просто уйду,
Как уходит троллейбус в депо на побывку.

Как уходит звезда, и уже не у дел
Звездочёты, и небо больно и раздето.
Мне нельзя не уйти. По иллюзии в день
Отнимает октябрь, и так хочется лета.

Последний лист

Последний лист надеждами пришит,
Но здесь ветра целуют не по-братски.
Раскольников старушку сторожит,
Каренина от холода дрожит
На будущем вокзале Ленинградском.
А что же лист? Да так, обычный лист.
Падёт к ногам и сгинет моментально,
Успев узнать, что пьяный гитарист
Всю ночь лабал мотив сентиментальный
О жёлтых листьях.
Дяденька в плаще
Наступит каблуком и юркнет в узкий
Промозглый двор. Он не поймёт вообще,
Чем осень завораживает русских —
Не потому, что лирики в нём нет
И чудеса свой ход остановили.
Он просто грек, и видел, как рассвет
Торопится на запах бугенвиллий.

Всё холоднее утра-снегири

Всё холоднее утра-снегири.
Всё тяжелее ночи-кюрасао.
И мёртвые приходят говорить
Пронзительными недоголосами.

Один похож на друга. Десять лет
Тому назад он выбежал за хлебом
И не вернулся. Незаметный след
От улицы Толстого и до неба

Впечатался в хрусталики мои.
И не забыть: очки, пальто из драпа,
Ботинки неначищенные и
Тяжёлый шарф... Другой похож на папу.

Он умирал, закрытый от людей
В холодном боксе мининской больницы,
Где сам июль хотел бы поскорей
От смертников своих освободиться.

Я помню всё: стерильные бинты,
На кладбище подсохшая дорога.
У остальных — размытые черты.
Я их не узнаю. И слава Богу.

О город мой!

О город мой! Храни тебя, храни
От глупости и дураков, коль скоро
Я полюбила мутные огни
И музыку ко мне плывущих «скорых».

Унылый двор, раздетые кусты,
Кошачий декаданс и разговоры
Старушек на пределе темноты,
И мусорок готичные узоры.

Здесь пахнет флердоранжем и мочой,
Беспечностью (увы, не парижанок!).
И жёлтый шар дамокловым мечом
Висит, не признавая наших жалоб...

Ах, детства золотая голова!
Рубите с плеч, читайте панихиду.
Ты знал, мой друг, что кроличья нора
Со временем теряется из вида.

Но я — живу, вышагивая за
Сентябрьскую жару, апрельский холод.
И улыбается во все свои глаза
И надоевший, и любимый город.

Казалось мне, что я тебя люблю

Казалось мне, что я тебя люблю,
Как любят ревень стебли повилики.
Но, если б ты очнулся на краю
В каком-нибудь забытом Мозамбике,
Без связи и в завесе дымовой,
Я б молча повела тебя домой
В московский мир, где даль обожжена
И виснет небо серой парусиной
Над домом, где уютная жена
Заботливо укладывает сына
Под тихий «Сплин».
Ещё казалось мне,
Что те слова, которыми я брежу,
В вине не тонут, не горят в огне,
Но со счастливыми всегда бывают реже.
А может быть, всё это лишь абсент,
«Похмельный крен», как выразился раньше
Меня один поэт и диссидент,
В чьём сионизме не отыщешь фальши.

Ненужное отсекая

Ненужное отсекая,
Оставляю вокзал, где осы
Давились арбузной коркой
И рельсы пронзали осень.
И небо сочилось в щели,
И небо глядело волком,
Как сумерки еле-еле
Стучали в глухие окна.
Вороны жевали сплетню.
На третьей платформе, с краю,
Сентябрь загоняли в петлю,
Ненужное отсекая.

И если я когда-нибудь умру

И если я когда-нибудь умру,
Наверное, окажусь неважным
Вот эти поцелуи на ветру,
И те стихи в кораблике бумажном.

Безденежье. Бессонница. В вине
Утопленные ключики от мира.
И люди, проходящие ко мне.
И люди, пробегающие мимо.

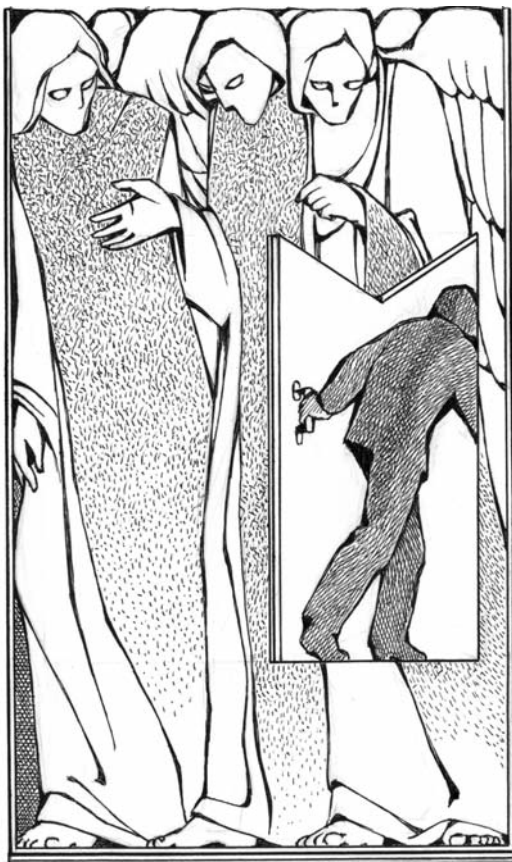
За рёбрами укрытый тёплый зверь.
И в небе — море сине-голубое.
И даже ты, любовь моя, теперь
Не более, чем памятка о боли.

Когда-нибудь все музыки на свете

*Когда-нибудь все музыки на свете
Устанут петь о смерти и любви,
Как устают взрослеющие дети
Дружить до слёз и драться до крови.*

*И в этот день, холодный и усталый,
Потерянный, как в марте снегири,
Я наберу твой номер, но не стану
(Я не смогу) с тобою говорить.*

*И ничего такого не случится.
Увидишь ли сквозь липкую пургу:
Словаслова столпились на ключицах,
И тяжело, и сбросить не могу?*

Предисловие Сергея Арутюнова 3

Не нужно музыки 7

Сладкий снег

- Зима пришла 11
Это просто зима 12
В темноте зимний дождь... 13
как пьяный человек 14
Когда надежда выскользнет лещом 15
Стою, окно завесив, имярек 17
В переулках зима... 18
Побудь со мной... 19
Я не знаю... 20
поезда набирают скорость 21
Почему в тёплом доме... 22
Нехорошо у Родины просить 24
В мире тёплых вещей ни к чему 25
Один мой дед был прокурор 26
Видишь, здания набекрень 28
гуляет в городе сутулом 29
Сопит за стенкой человек 30
Пролистнёшь человека 31
Течёт февраль... 32
Ломает музыку февраль 34

Глотая тишину

- О доле mio! Жить тебе без боли **37**
Я видела вчера, что корабли **38**
Ещё одна шальная пятница **39**
Оставляя тёплый панельный ад **40**
 В нежном городе роз... **42**
 Ты забудешь, скажи **43**
 Запомни двор... **44**
Всё пройдёт, завянут туберозы **45**
 Любимые остались, но ушли **46**
 Тебя здесь нет **47**
А здесь так долго не было тебя **48**
 Глотая тишину... **49**
 Я хотела писать о тебе **50**
 В комнате **51**
 Не позвоню... **52**
 Я лежу на полу... **53**
Сижу одна. Ещё живая **54**

Несущие отсекая

- Хотелось музыки... **57**
Неместный ветер... **58**
То же слово на том же заборе **59**
Уснёт И. Б., зачитанный до дыр **60**

Содержание

Заколоченный сад	61
Когда...	62
Ветер гонит людей...	63
Последний лист	64
Всё холоднее утра-снегири	65
О город мой!	66
Казалось мне, что я тебя люблю	67
Ненужное отсекая	68
И если я когда-нибудь умру	69
<i>Когда-нибудь все музыки на свете</i>	70

Для заметок

Литературно-художественное издание
Серия «Поэзия XXI века»

Сара Зельцер

Не нужно музыки

Редактор *Эд Побужанский*
Дизайнер *Дмитрий Климович*
Корректор *Денис Ефимов*
Формат 120x170 мм
Печать цифровая
Тираж 200 экз.

ООО Рекламно-издательская группа «ОБРАЗ»
127591, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2,
бизнес-центр «Норд Хаус», офис 31-121,
тел.: +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89,
е-мэйл: 2234439@mail.ru

купикнигу.рф

izdaiknigu.ru

САРА ЗЕЛЬЦЕР родилась в Курске в 1985 году, долгое время жила с родителями-военнослужащими в Сибири, Белоруссии, Восточной Германии. Окончила Экономический университет при Правительстве РФ.

Первые опыты стихосложения были отмечены «Илья-премией» в 2008 году. Вместе с друзьями организовала литературный клуб/сайт «Решетория» (www.reshetoria.ru).

В дебютный сборник «Не нужно музыки» вошли избранные стихотворения Сары Зельцер, многие из которых хорошо известны любителям сетевой поэзии.